

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра английского языка
и методики его преподавания

**Феномен интертекстуальности и особенности его функционирования в
художественной литературе и языке СМИ**

**АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
БАКАЛАВРА**

студентки 4 курса 413 группы
направления подготовки 44.03.01 Педагогическое образование,
профиль – «Иностранный (английский) язык»

факультета иностранных языков и лингводидактики

Ахмедовой Альбины Абдулазизовны

Научный руководитель
старший преподаватель
каф.английского языка и
методики его преподавания

_____ Е. Н. Горбунова

Заведующий кафедрой
английского языка и
методики его преподавания
канд. филол. наук, доцент

_____ Т.А. Спиридонова

Саратов 2017

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена, тем что интертекстуальность достаточно активно применяется как в языке СМИ, так и в художественной литературе, в связи с чем возникла необходимость рассмотрения специфики ее применения как в художественной литературе, так и текстах СМИ.

Объектом данного исследования является использование явления интертекстуальности в современном русско и англоговорящем сообществах.

Предметом исследования является особенность употребления феномена «интертекстуальность» в языке СМИ, художественной литературе.

Цель рассмотреть феномен интертекстуальности с точки зрения прецедентности, а также изучить функции и возможность влияния интертекстуальных включений на мнение и восприятие аудитории.

Задачами данного исследования являются следующие пункты:

- 1) Рассмотреть понятие интертекстуальности;
- 2) Выделить функции интертекста;
- 3) Ознакомиться с основными маркерами интертекстуальности;
- 4) Рассмотреть подробнее один из маркеров интертекстуальности-прецедентный феномен;
- 5) Изучить произведения У. Шекспира, Д.Сэлинджера, где применяются маркеры интертекстуальности;
- 6) Проанализировать различие культур, как фактор влияющий на восприятие одного из маркеров интертекстуальности.

Для решения поставленных задач в работе применялись следующие методы и приемы исследования: Описательный метод, сравнительно-сопоставительный, метод систематизации и классификации материала, а также метод сплошной выборки.

Методологической и теоретической базой исследования послужили труды как отечественных, так и зарубежных ученых таких, как: Ю. Н. Караулов, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, В. Г. Костомаров, Н. Д.

Бурвикова, Е. А. Нахимова, Н. А. Голубева, В. Л. Латышева, В. И. Макаров, Н. В. Петрова.

Материалом исследования послужили тексты и мини-контексты российских и зарубежных авторов.

Научная новизна исследования состоит в том, что был проведен сравнительный анализ применения некоторых маркеров интертекстуальности – аллюзия, прецедентный феномен, цитация в языке СМИ, художественной литературе английской и русской культур.

Теоретическая значимость определяется целостным характером проведенного дискурс-анализа прецедентных феноменов в дискурсе английской и русской речи. Этот анализ позволяет уточнить научные представления о прецедентных феноменах, их основных и второстепенных признаках, особенностях употребления в дискурсе носителей языка.

Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты и материалы исследования могут быть использованы в курсах общего языкознания, когнитивной лингвистики, психолингвистики, лексикологии и лингвокультурологии, а также на занятиях по практике языка на специализированных факультетах

Основная часть работы. Определение интертекста и интертекстуальности

Изменения, которые происходят в жизни нашего общества, находят отражение как на страницах газет, так и в художественной литературе. Большое количество лингвистических исследований, посвященные анализу языка и стиля художественной литературы и средств массовой информации, отмечают такие особенности, как повышение экспрессии, интертекстуальность, активизацию языковой игры. Многие тексты подвержены контекстуальному переосмыслению, ироническому, пародийному снижению. Также для усиления воздействующей функции языка авторы публицистических текстов прибегают к использованию текстов классической литературы.

Интертекстуальность, термин, введенный в 1967 теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга.

Рассмотрим следующие функции:

Экспрессивная функция интертекста проявляется в той мере, в какой автор текста посредством интертекстуальных ссылок сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках. Подбор цитат, характер аллюзий – все это в значительной мере является важным элементом самовыражения автора.

Апеллятивная функция интертекста проявляется в том, что отсылки к каким-либо текстам в составе данного текста могут быть ориентированы на совершенно конкретного адресата – того, кто в состоянии интертекстуальную ссылку опознать, а в идеале и оценить выбор конкретной ссылки и адекватно понять стоящую за ней интенцию.

Следующей функцией интертекста является *поэтическая*, во многих случаях предстающая как развлекательная: опознание интертекстуальных ссылок предстает как увлекательная игра, своего рода разгадывание кроссворда, сложность которого может варьироваться в достаточно широких пределах – от безошибочного опознания цитаты из культового фильма до профессиональных разысканий, направленных на выявление таких интертекстуальных отношений, о которых автор текста, возможно, даже и не помышлял.

Интертекст, также выполняет *референтивную* функцию передачи информации о внешнем мире: это происходит постольку, поскольку отсылка к иному, чем данный, тексту потенциально влечет активизацию той информации, которая содержится в этом «внешнем» тексте. В этом отношении когнитивный механизм воздействия интертекстуальных ссылок обнаруживает определенное сходство с механизмом воздействия таких связывающих различные

понятийные сферы операций, как метафора и аналогия. Степень активизации опять же варьирует от простого напоминания о том, что на эту тему высказывался тот или иной автор, до введения в рассмотрение всего, что хранится в памяти о концепции предшествующего текста, форме ее выражения, стилистике, аргументации, эмоциях при его восприятии. За счет этого интертекстуальные ссылки могут, помимо прочего, стилистически «возвышать» или, наоборот, снижать содержащий их текст.

Наконец, интертекст выполняет и *метатекстовую* функцию. Для читателя, опознавшего некоторый фрагмент текста как ссылку на другой текст, всегда существует альтернатива: либо продолжать чтение, считая, что этот фрагмент ничем не отличается от других фрагментов данного текста и является органичной частью его строения, либо – для более глубокого понимания данного текста – обратиться к некоторому тексту-источнику, благодаря которому опознанный фрагмент в системе читаемого текста выступает как смещенный. Для понимания этого фрагмента необходимо фиксировать актуальную связь с текстом-источником, т.е. определить толкование опознанного фрагмента при помощи исходного текста, выступающего тем самым по отношению к данному фрагменту в метатекстовой функции.

Таким образом, интертекстуальное отношение представляет собой одновременно и конструкцию «текст в тексте», и конструкцию «текст о тексте». Так, в строки А.Ахматовой из первого варианта *Поэмы без героя* (*Но мне страшно: войду сама я, / Шальвоспетую не снимая, / Улыбнусь всем и замолчу*) оказываются вписанными элементы текста А.Блока, посвященного А.Ахматовой: «*Красота страшна*» – *Вам скажут, – / Вы накинете лениво / Шаль испанскую на плечи,...* В то же время текст Ахматовой представляет собой новое высказывание о предшествующем тексте – тексте Блока, т.е. является по отношению к нему метатекстом, а текст Блока по отношению к тексту Ахматовой – претекстом и подтекстом (subtext – в терминологии К.Тарановского и О.Ронена).

Согласно О.Ронену, более поздние тексты, впитывая в себя фрагменты и структурные элементы текстов более ранних, подвергают их «синхронизации и семантическому преломлению», но не отвергают при этом и первоначальный смысл претекстов.

Аллюзия, прецедентный феномен, цитата, как маркеры интертекстуальности.

Известно, что к основным видам проявления интертекстуальности в тексте относят аллюзии, прецедентные феномены, цитации.

Одним из первых, кто ввел понятие «прецедентного текста», стал Ю.Н. Караулов, определив его как «текст, значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющий сверхличностный характер, то есть хорошо известный широкому окружению этой личности, включая ее предшественников и современников, и, такой, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности». Данное понятие получило дальнейшее развитие в работах В.Г. Костомарова, Н.Д. Бурвиковой, Г.Г. Слышкина, О.А. Дмитриевой и других лингвистов.

Точкой схождения всех определений является интерпретация аллюзии как косвенной ссылки к какому-либо факту (лицо или событие), предполагающийся известным.

Аллюзия опирается не только на лежащие на поверхности свойства предметов, что позволяет сопоставить и сравнить их, выявить сходства, но также и на глубинные сведения, извлекаемые из памяти.

Цитата – это воспроизведение более двух элементов исходного текста с сохранением той предикации (описания некоторого положения вещей), которая была заложена в прототексте; при этом вполне вероятно точное или несколько измененное воспроизведение оригинала. В свою очередь аллюзия – использование лишь конкретных частей исходного текста, которые помогают узнать исходное произведение в тексте-реципиенте, предикация же осуществляется иным способом. Именная аллюзия также может выступать как реминисценция. Но, все же, в отличие от реминисценции чаще всего аллюзия

выступает в роли риторической фигуры, которая требует однозначного понимания и прочтения.

Основная функция текстовой цитации есть ни что иное, как ассоциативная ссылка к прототексту (тексту-ассоциату), обогащающая авторскую речь определенными аннотациями и образами. И именно наличие такой ссылки дает возможность различить или классифицировать крылатые слова из опорного текста. Можно привести в качестве примера цитаты Шекспира в других произведениях.

Цитата из произведения Генрих IV "thegameisafoot" впоследствии была использована Артуром Конаном Дойлом, а точнее героем его произведения – Шерлоком Холмсом.

1)"Come, Watson, come!" he cried. "The game is afoot. Not a word! Into your clothes and come!" [Arthur Conan Doyle, 1905]

"Notamousestirring" –СтрокаизГамлета,
котораяиспользованакачествепарафразыв «НочипередРождеством».

В настоящее время широкое распространение в лингвистике получила теория прецедентности. Появилось и продолжает появляться большое количество работ, посвященных прецедентным феноменам (ПФ). В отечественной лингвистике активно развивается несколько подходов к исследованию этого языкового явления. Один из них, когнитивный, рассматривает прецедентные феномены как ментальные единицы и отчасти опирается на положения теории языковой личности.

В современном обществе возникают проблемы связанные с пониманием прецедентных феноменов, известно, что межкультурная коммуникация - адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. Представители разных культур имеют характерные национально-детерминированные представления одних и тех же прецедентных феноменов. Несовпадения национальных инвариантов восприятия прецедентных феноменов часто становятся источником коммуникативных неудач и межкультурных конфликтов.

Восприятие одного и того же прецедентного феномена представителями различных лингвокультурных сообществ будет определено особенностями культурного и исторического развития каждого лингвокультурного сообщества, а представления, стоящие за одним и тем же прецедентным феноменом, в той или иной степени различаются у представителей разных лингвокультурных сообществ. Изучение мира носителей языка направлено на то, чтобы помочь понять особенности речупотребления, дополнительные смысловые нагрузки, политические, культурные, исторические и тому подобные коннотации единиц языка и речи. Особое внимание уделяется реалиям, поскольку глубокое знание реалий необходимо для правильного понимания явлений и фактов, относящихся к повседневной действительности народов, говорящих на данном языке.

Прецедентные феномены - это явление культуры. Они входят в фонд исторической памяти социума (этноса). Национально-культурная память - это кладезь сведений, эмоций, фактов, откуда мы в нашей повседневности и обыденности черпаем данные для ответа на сакраментальные вопросы: кто мы есть, откуда мы и куда идем; чем гордимся в своем прошлом и настоящем, а чего стыдимся; почему это так, а не иначе; и даже зачем все это. Это не история в чистом виде, а то, как прошлое представлено в нашей сегодняшней мысли и как оно вписывается в наши знания о современном мире. Знание национально-прецедентных феноменов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры и неполной включенности в культуру.

В основе любой коммуникации, то есть в основе речевого общения как такового, лежит «обоюдный код», обоюдное знание реалий, знание предмета коммуникации между участниками общения:говорящим/пишущимслушающим/читающим. В случае незнания обоюдного кода может произойти нарушение коммуникативных норм.

При изучении прецедентных феноменов в межкультурной коммуникации актуальной является проблема перевода: любой прецедентный феномен существует в рамках определённой культуры, однако его интерпретация должна осуществляться с учётом параметров воспринимающей культурной среды. Сравним несколько переводов фразы из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»: ... и в одно время в Москве можно было крикнуть извозчику «к Живаго!», совершенно как «к черту на кулички!», и он уносил вас на санках в *тридешатое царство, в тридевятое государство*. Прецедентный феномен *тридешатое царство, тридевятое государство* в русской культуре имеет значение «очень далеко». В интерпретируемом тексте появляется также значение сказочности, загадочности и богатства, характеризующее дом Живаго.

В разных переводах романа этот прецедентный феномен передается по-разному. В переводе на испанский язык данному феномену дается перевод «*lugardeensueno*» (край/страна мечты), что лишь приблизительно передает значение данного выражения. В переводе на английский язык, сделанном Р. Пивером и Л. Волоконской, дается эквивалент «*fairy—tail kingdom*», который сохраняет значение сказочности, однако теряет значение «очень далеко». В другом варианте перевода на английский, выполненном М. Хейвордом и М. Харари, прецедентные феномен переведен как «*an enchantedkingdom at the end of the world*» [Pasternak 2015: 15], что переводится как «зачарованное место на краю земли/в конце мира» и более соответствует значению прецедентного феномена *тридешатое царство, тридевятое государство*.

Универсальные прецедентные феномены обычно не представляют трудности для перевода, поскольку инвариант восприятия, который стоит за ними, имеет соответствующее языковое воплощение в любой культуре. Например, в оригинальном издании романа Г. Мелвилла «Моби Дик» для описания быта матроса на китобойном судне используется прецедентный феномен *лампа*

Аладдина: ..the wheelman, as he seeks the food of light, so he lives in light. He makes his berthan Aladdin's lamp, and lays him down in it. На русский язык эта фраза переведена так: *китобой, гонясь за пищей для света, сам живет, купаясь в свете. Койка его – это лампа Аладдина, и в нее он укладывается спать.* Прецедентный феномен из арабских сказок «Тысячи и одной ночи» дословно переводится с английского языка на русский, сохраняя при переводе значение, актуальное для данного текста: что-то наполненное ярким, возможно, сказочным светом.

В романе Р. Дж. Паласио «Чудо» в диалоге героев используется прецедентный феномен *Beauty and the Beast*, который также дословно переводится на русский язык как *Красавица и Чудовище*: «*She seems very nice.*» «*Yeah, she is.*» «*She's very pretty,*» *Mom said.* «*Yeah, I know,*» *I answered.* «*We're kind of like **Beauty and the Beast.***» в русском переводе: – *Кажется, она очень милая,* – сказала мама. – *Да.* – *И очень хорошенькая.* – *Да, знаю. Мы как Красавица и Чудовище.* Прецедентные феномены в романе на языке оригинала и в переводе на русский языка отсылают к сказке Ш. Перро «Красавица и чудовище» и характеризуют персонажей, один из которых герой уродлив, а другая – внешне прекрасна. Этот прецедентный феномен в книге «Чудо» служит для внутренней характеристики персонажей: Джун – добрая и отзывчивая девочка, Август – мужественный мальчик, на которого «наложила проклятие» генетическая болезнь.

Прецедентные ситуации относятся к невербальным, но вербализируемым прецедентным феноменам, поскольку хранятся в сознании носителя в виде инварианта восприятия, который может быть вербализирован в речи В упомянутом выше тексте Р. Дж. Паласио для вербализации прецедентной ситуации превращения гадкого утенка в лебедя, мотивированной сказкой «Гадкий утенок» Г.-Х. Андерсена, в русском переводе используется фраза *история про утенка, который превращается в лебедя*:

Я хотел спросить тебя с тех самых пор, как повесил этот рисунок на стену... – продолжал он. – Почему ты нарисовал себя в виде утки?

– Как почему? – не понял я. – Такое было задание.

– Да, но почему именно утка? Это как-то связано... э-э... с историей про утенка, который превращается в лебедя?

В оригинале романа символом прецедентной ситуации является фраза *story of the duckling that turns into a swan*:

I've been meaning to ask you since I hung this up,» he said, looking at it.

«Why did you choose to represent yourself as a duck?»

«What do you mean?» I answered. «That was the assignment.»

«Yes, but why a duck?» he said. «Is it safe to assume that it was because of the story of the . . . um, *the duckling that turns into a swan*?»

Таким образом, и в английском тексте, и в русском переводе для актуализации значения прецедентной ситуации используются полностью соотносимые фразы.

В рассмотренных примерах используются универсальные прецедентные феномены, инварианты восприятия которых в разных культурах совпадают. Однако существуют универсальные прецедентные феномены, восприятие которых у представителей различных народов может отличаться. Так, в работе К.В. Завьяловой описан лингвистический эксперимент, который показал, что «интерпретация сказочного сюжета (сказки Ш. Перро «Золушка». – Е.Н.) в лингвокультурных сообществах различается, в связи с чем в сознании коммуникантов – представителей разных культурных сообществ, существуют различные образы и представления о сказочном сюжете» [Завьялова 2007: 19]: у русских респондентов основная идея сказки связана с ожиданием принца и чудесным обретением счастья; у американцев и венгров – чудесные метаморфозы являются наградой хорошим людям; у испанцев и венгров подчеркнуты тяжелая жизнь героини, классовые различия Золушки и принца. Можно говорить о том, что инвариант восприятия прецедентного текста «Золушка» у представителей русского, венгерского, испанского и американского лингвокультурных сообществ пересекается, но не совпадает полностью, соответственно значения символов прецедентного текста –

прецедентных феноменов *Золушка, Добрая Фея (Фея-Крестная), Злая Мачеха, хрустальный башмачок (хрустальная туфелька), карета, превращающаяся в тыкву* и др. имеют различия, обусловленные национально детерминированным инвариантом восприятия.

Таким образом, детское чтение выступает в качестве одного из основных источников универсальных прецедентных феноменов, входящих в универсальную когнитивную базу. Значение прецедентных феноменов, мотивированных всемирно известными произведениями для детей, понятны коммуникантам вне зависимости от их принадлежности к определенному лингвокультурному сообществу и имеют соответствия в разных языках, не создавая трудностей при переводе, но все же существует ряд случаев, когда возникает проблема интерпретации прецедентного феномена для представителей разных культур.

Заключение. Подводя итоги о проделанной мной работе можно сказать что, вся познавательная и коммуникативная деятельность человека теснейшим образом связана с интерпретацией тех или иных знаков, жестов, слов, произведений литературы, музыки, живописи и тому подобных знаковых систем.

В повседневной жизни мы постоянно истолковываем жесты, слова, факты и события, с которыми сталкиваемся. Поэтому вполне очевидно, что интерпретация как процесс не ограничивается областью языка, а охватывает иные сферы деятельности человека. Язык же служит универсальным средством общения и выражения мысли, поэтому он ближе и теснее всего с интерпретационной деятельностью человека.

В последние десятилетия проблема интертекстуальности приобретает особое значение в рамках совокупных филологических исследований. Теория интертекстуальности, зародившаяся в середине нашего века и получившая столь глубокое развитие в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей, является чрезвычайно плодотворной в плане интерпретации художественного текста. Чтобы проникнуть в глубину художественного

произведения, необходим обмен интерпретациями между читателями и исследователями. В данном случае интерпретация, истолкование, объяснение текста – это уже не цель, а средство понимания. Интерпретация должна быть такой, которая бы емко и энергично схватывала множество смысловых оттенков в их художественном единстве. Абсолютной, исчерпывающей все богатство произведений интерпретации не даст никто и никогда. Нам надлежит лишь максимально приблизиться к точной трактовке. И более истинной будет такая интерпретация, которая способна в наибольшей степени охватывать художественную целостность произведения, его неповторимый художественный мир.

В заключение хотелось бы отметить, что особенно обширным использованием различных форм интертекстуальности отмечены периоды модернизма и постмодернизма.